

Задворная Елена Геннадиевна
доктор филологических наук
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: egz0201@gmail.com

Yelena Gennadievna Zadvornaya
Dr of Sc. (Philology)
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: egz0201@gmail.com

МОТИВИРОВОЧНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

В работе рассматриваются мотивировочные компоненты, усложняющие структуру различных типов речевых актов. Выявляются причины избирательности речевых актов по отношению к мотивировкам, а также специфика мотивировочных компонентов в составе различных речевых актов.

Ключевые слова: мотивировочный компонент; речевой акт; структура речевого акта; инициатива говорящего; инициатива слушающего.

MOTIVATIONAL COMPONENTS IN THE STRUCTURE OF VARIOUS SPEECH ACT TYPES

The paper explores motivational components that complicate the structure of various speech act types. It identifies the factors influencing selectivity of speech acts with regard to motivation, as well as the specific features of motivational components within structures of different speech acts.

Key words: motivational component; speech act; speech act structure; speaker's initiative; listener's initiative.

Одним из важнейших функциональных свойств речевых актов (далее РА) является ситуативно-контекстуальная возможность усложнения их структуры за счет различных вспомогательных коммуникативных ходов – метакоммуникативов, ориентированных на привлечение / удержание внимания или эксплицирующих иллокутивную функцию, речэтикетных элементов, апеллятивов и под. К числу таких усложняющих элементов относятся мотивировочные компоненты, т. е. коммуникативные ходы, объясняющие причину совершения соответствующего речевого действия и конституирующие речевые действия, построенные по модели «Я сообщаю тебе, что Р (прошу тебя сделать Р / спрашиваю тебя о Р), так как ...».

Экспликация мотивировочных компонентов (далее МК) реализуется в двух вариантах. Во-первых, она может осуществляться по инициативе самого говорящего (в монологических жанрах либо в рамках одной реплики в диалоге), что приводит к образованию сложных РА (в другой терминологии – коммуникативных макропоступков, речевых микрожанров и под.), ср.:

(1) *Вот что я хотел тебе объяснить: нет ничего бесплоднее, как те страдания, которые причиняет неумеренное самолюбие. Я это говорю потому, что сам вечно страдал тем же и тоже никогда не был доволен теми ре-*

зультатами, которых достиг. [П. И. Чайковский. Дневник (1878)] (здесь и далее в качестве материала анализа выступают контексты, отобранные из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru));

(2) *felis_marmorata*: ... Хочу уточнить: что конкретно имеют в виду мамы, когда говорят, что ребенок плохо переносит температуру? **Спрашиваю, так как подозреваю, что критерии оценки могут различаться.** [Форум: Сбивать или не сбивать? (2013.02)].

Во-вторых, такая экспликация может осуществляться по инициативе слушающего, вследствие чего образуются сложные диалогические единства:

(3) *Бессемёнов*: Отец твой был... да! Грязный, оборванный, лишенный всякого порядочного подобия... Но все-таки ты его должна уважать...

Поля: Я уважаю... **Почему вы это... говорите?**

Бессемёнов: Чтоб ты понимала... Твой отец бродяга бездомный, а все-таки ты не должна выходить из его воли... [М. Горький. Мещане (1901)];

(4) *Назавтра снова звонит*:

– Слушай. А почему ты сказала, что мы с тобой больше не увидимся?

Я даже не помню, что произносила такие слова.

– **А почему ты спрашиваешь?**

– Да мне тут скоро предстоит хирургическое вмешательство... [Игорь Сахновский. Острое чувство субботы. Восемь историй от первого лица (2012)].

Подчеркнем, что традиционно в данном аспекте рассматривались практически только директивные РА [1; 2; 3]; среди немногочисленных исключений можно назвать работу О. С. Рыбчинской, посвященную мотивировкам интеррогативов [4]. Между тем, на наш взгляд, в полной мере специфика актуализации причинно-следственных связей, значимых для реализации интенций коммуникантов, может быть исследована только при условии вовлечения в анализ максимально широкого круга РА. Таким образом, целью настоящей работы является выявление специфики включения МК в структуру речевых актов различного типа.

В этом плане наиболее актуальными представляются два аспекта анализа: а) выявление факторов избирательности МК (очевидно, что они способны органично встраиваться в структуру далеко не всех типов РА); б) определение семантико-прагматических особенностей, которые демонстрируют МК, «монтируясь» с различными иллокутивными актами.

Избирательность МК по отношению к различным типам РА и, соответственно, «резистентность» определенных типов РА по отношению к МК, на наш взгляд, обусловлена в первую очередь степенью очевидности причин совершения того или иного речевого действия. Как представляется, именно очевидность этих причин для всех участников коммуникативного взаимодействия объясняет избыточность МК при реализации таких ритуально-клишированных РА, как декларативы, экспрессивы, а также при осуществлении комиссивов, причем невосприимчивость каждого из названных типов РА к МК имеет специфический характер.

Так, реализация декларативов подчиняется общеизвестным и общепринятым конвенциям, что избавляет говорящего от необходимости обосновывать

совершение речевого действия, ср. **Я открываю конференцию открытой, так как ...*; **Объявляю вас мужем и женой, потому что...*; понятно, что экспликация мотивировки в подобных случаях не требуется в силу обладания говорящим соответствующими институциональными полномочиями, которые признаются адресатом / адресатами.

Аналогичным образом в объяснении причин не нуждается реализация экспрессивов (мы используем наименование «экспрессив», следуя терминологической традиции Дж. Серля и ограничивая этот класс речевыми действиями), ср. неестественность высказываний типа **Поздравляю тебя с днем рождения и желаю счастья и здоровья, так как...* или **Приветствую вас, потому что...* (Интересно, что, моделируя развернутую структуру извинений, И. Гоффман включает в нее пять элементов, среди которых мотивировка отсутствует: 1) выражение неудобства и огорчения, 2) понимание того, как надо было себя вести, и принятие наказания (отрицательных санкций), 3) словесно выраженное самоосуждение, 4) обещание вести себя впредь хорошо, 5) демонстрация раскаяния и стремления искупить свою вину [5, р. 140–144]). Ограничения такого типа, впрочем, не означают полной блокировки возможности включения МК в структуру экспрессивных РА. Во-первых, расширение структуры некоторых экспрессивов вполне допустимо при необходимости конкретизации причины совершения речевого действия; если приветствия и прощания в таких уточнениях не нуждаются, то по отношению к РА благодарности и извинения они могут оказаться вполне уместными, ср.:

(5) *Самое интересное, что бедный Дерек не спал всю ночь, провозился с нами до трех-четырех часов утра, а ему утром на работу в Манхэттен, мне было неловко перед ним, и когда я ему стала говорить: «Ради Бога, Дерек, извини, спасибо тебе большое», он меня остановил такой фразой: «Лада, это тебе спасибо, потому что Бог и ты дали мне шанс искупить какой-то мой грех».* [Вячеслав Фетисов. Овертайм (1997)];

(6) *Товарищ, – возразил больной, – я прошу у тебя прощения, потому что виноват пред тобою; между тем как Вильгельм предо мною. Но он готов просить прощения.* [П. Р. Фурман. Саардамский плотник (1849)].

Кроме того, расширение структуры экспрессивов за счет МК возможно в тех случаях, когда речь идет о нарушении определенных речеповеденческих стереотипов как общего (*Почему ты опять с ним / со мной здороваешься? Вроде уже сегодня виделись...*), так и индивидуального характера, ср. возможность запросов типа *Почему ты вдруг с ним / со мной поздоровался / Почему ты меня поздравляешь с днем рождения?* в ситуациях, если, например, говорящий на протяжении длительного времени отказывался от общения с каким-то лицом.

По сходной причине обсуждаемые компоненты не встраиваются в структуру обещаний: применительно к комиссивам МК также, как правило, избыточны, но в данном случае отсутствие необходимости мотивировки связано с их реактивной природой: как известно, обещания обычно являются реакцией на РА просьбы:

(7) *А я обещала подождать Алину.*

– *Она не придет!* – сказала я Леве. – *Ей противны классическая музыка, и твой кларнет, и Малый зал Консерватории... И даже Большой тоже противен! Но я подожду. Раз ты просишь, я подожду!* [Анатолий Алексин. *Мой брат играет на кларнете* (1967)], –

или упрека/неодобрения:

(8) *Марина, чувствуя неладное, ходила вокруг и слегка поругивала за вчерашний загул.*

– *Ну нельзя же так!*

– *Больше не буду. В последний раз. Обещаю!* [Ю. М. Поляков. *Любовь в эпоху перемен* (2015)]

В обоих случаях мотивировка коррелирует с иницирующей репликой адресанта («Я обещаю сделать Р, потому что ты просишь»; «Я обещаю не делать Р, так как это вызывает у тебя негативные переживания / недовольство»), что делает избыточной ее экспликацию в реактивной реплике адресата (хотя это и не исключает возможности дублирования МК, см. фрагмент 7).

Таким образом, для трех рассмотренных типов РА МК могут быть интерпретированы как избыточные, но с некоторыми различиями в основаниях этой избыточности: для декларативов она обусловлена наличием институциональных полномочий, для экспрессивов – коммуникативными конвенциями, связанными с реализацией категории вежливости, для комиссивов – семантико-прагматической зависимостью от предшествующей реплики в рамках диалогического единства.

Соответственно, круг речевых актов, для которых экспликация МК закономерна и естественна, сужается до трех типов: репрезентативов, директивов и интеррогативов. При этом актуализация МК применительно к данным разновидностям РА также существенно различается.

Во-первых, это касается такой характеристики МК, как его реализация по инициативе говорящего или по инициативе слушающего. Как отмечалось выше, экспликация МК может быть обусловлена либо самостоятельным решением говорящего (см. контексты 1, 2), либо запросом собеседника (см. контексты 3, 4). При этом наиболее выразительный контраст между двумя типами актуализации наблюдается в использовании интеррогативов: для данного типа РА, по данным Национального корпуса русского языка, «добровольная» актуализация МК наблюдается почти в 3,5 раза реже, чем «вынужденная» (на запрос *Я спрашиваю, потому что* корпус предлагает 38 контекстов, на запрос *Почему ты / вы спрашиваете / спрашиваете* – 112). Иначе говоря, задавая вопрос, говорящий относительно редко (в сравнении с репрезентативами и директивами) считает нужным объяснять причину совершаемого речевого действия, что, в свою очередь, обуславливает соответствующий запрос собеседника. В то же время два обсуждаемых вида актуализации МК у репрезентативов и директивов носят относительно паритетный характер.

Во-вторых, любопытные различия наблюдаются в разновидностях МК, задействованных при реализации анализируемых типов РА.

Наиболее типичными для всех типов РА являются мотивировки рационального типа (эмоциональные мотивировки менее употребительны и относи-

тельно маловариативны; все их разновидности сводятся к двум крупным блокам: апелляциям к отношениям и апелляциям к эмоциональным состояниям). Данный тип мотивировок различается при встраивании в структуру обсуждаемых РА по ряду параметров, в том числе по параметру бенефициарности речевого действия. Рациональные мотивировки директивов и интеррогативов включают такой вариант, как ссылка на отсутствие у говорящего, выступающего в качестве бенефициара, необходимого ресурса – информационного для интеррогативов и, как правило, материального или временного для директивов. Очевидно, что такой вариант не входит в круг мотивировок репрезентатива, при осуществлении которого говорящий не находится в статусе бенефициара – соответственно, здесь гораздо более естественным является вариант, «отзеркаливающий» мотивировку интеррогатива, ср. «Спрашиваю, потому что не знаю, но хочу знать» – «Говорю, потому что считаю, что ты не знаешь и тебе нужно (полезно, интересно) будет знать...».

Не менее интересна и специфика реализации периферийных, т. е. относительно малочастотных разновидностей МК, к которым относятся «опустошенные» в семантико-прагматическом отношении мотивировки, не проясняющие причин совершения речевого действия, ср. использование клишированных формул типа *просто интересно, просто так, ну сказал и сказал (спросил и спросил)*:

(9) – *Нина, в какой школе вы учитесь?*

– *Я в гимназии имени Ушинского учусь, можно на автобусе две остановки проехать, а можно через парк пешком пройти. А что?*

– **Просто интересно**, – улыбнулся Антон. [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)];

(10) *Рассказчика спрашивают, к чему он это рассказал. Он отвечает: «Как к чему? Да просто так сказал...»* [Н. К. Михайловский. Г. И. Успенский как писатель и человек (1886)].

Если для репрезентативов и интеррогативов это вполне распространенный вариант реакции на запрос о мотивировке, то для директивов он не характерен, хотя может встречаться в качестве средства дезавуирования речевого действия:

(11) – *А может быть, ты... хм... ты... хм... не пойдешь?* – предложил Андрей.

Я хмыкнула в ответ, совсем как Андрей, – хм... В принципе хмы бывают разные – задумчивый хм, милый хм, согласный хм... а может быть агрессивный возмущенный хм, означающий «если ты не хочешь спать в Эрмитаже, почему я не должна идти на концерт?!».

– *Иди, конечно, я просто так сказал*, – грустно сказал Андрей, – *ну, а завтра ты что делаешь?* [Е. В. Колина. Дневник измены (2011)].

Сходная картина наблюдается и относительно мотивировок, которые обосновывают совершение речевых действий, заполняющих нежелательные паузы (в отличие от предыдущей разновидности, МК данного типа практически всегда носят скрытый характер, т. е. осознаются, но не эксплицируются говорящим). Здесь также органичны репрезентативы и интеррогативы и почти не востребованы директивы:

(12) *Алексей смотрел на металлический строительный забор, ограждавший место, где совсем недавно стоял дом его бабушки.*

– *Интересно, что теперь здесь будет?* – сказала **Кира**, **чтобы что-нибудь сказать**. [А. А. Уткин. Дорога в снегопад (2008-2010)];

(13) *Она постаралась улыбнуться как можно теплее и ласковее, надеясь этой вымученной улыбкой отогнать от себя охватившую ее внезапную неприязнь к человеку, которого она любила и который только что проявил такой невероятный цинизм.*

– *Галина Ивановна вчера звонила,* – сказала она, только **чтобы что-нибудь сказать**. По-моему, она совсем плоха. [Александра Маринина. Чужая маска (1996)].

В целом же можно согласиться с О. Г. Исуповой, которая, осмысляя сущность конверсационного анализа, отмечает, что «взаимные интерпретации причин поведения друг друга, осуществляемые участниками на “поверхности” разговора, являются лишь стартовой точкой для интерпретативной и аналитической работы исследователей, а не представляют собой окончательного объяснения смысла того, в чем заключаются понимание ситуации участниками разговора и / или их намерения» [6, с. 35], – но тем не менее такие интерпретации, безусловно, представляют собой важный эвристический ресурс изучения причинно-следственных связей, организующих весь процесс речевого взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blum-Kulka Sh., Hause J., Kasper G. Investigating Cross-Cultural Pragmatics: An Introductory Overview // Cross-Cultural Pragmatics: Request and Apologies. Norwood : Ablex Publ. Corp., 1989. P. 1–34.

2. Rintell E. Sociolinguistic Variation and Pragmatic Ability: A Look at Learners // International Journal of the Sociology of Language. The Hague : Mouton Publishers, 1981. № 27. P. 11–34.

3. Мельникова Л. С. Особенности реализации мотивировочного компонента в побудительных речевых актах (на материале итальянского языка) // Вестник Белор. гос. ун-та. 2014. №3 (4). С. 26–30.

4. Рыбчинская О. С. Мотивировочные компоненты интеррогативов в разговорном и институциональном диалоге // Профессионально ориентированное обучение межкультурной коммуникации: теория и практика. Минск, 2022. С. 121–126.

5. Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. Harmondsworth : Penguin, 1972. 460 p.

6. Исупова О. Г. Конверсационный анализ: представление метода // Социология: 4М. 2002. № 15. С. 33–52.